

Ночью Цинь Мо, сдержав свое слово, прогулялся по территории племени вместе с Ши Цином.

Но в тот момент Ши Цин все еще оставался маленьким пушистым комочком. Все, что он мог, это растянуться на ладони Цинь Мо и позевывать, пока лунный свет бледным сиянием озарял его спину. Ши Цин очень хотел, чтобы так сиял его животик, но если учитывать, что при перевороте на спину миру откроется несколько неприглядных секретиков... Ши Цин, чтобы сохранить свои моральные ценности, остался лежать на животе.

Находясь в этом крошечном теле, он, естественно, не мог сподвигнуть зверолодей к приготовлению новых блюд.

Однако нашелся запасной план. Он планировал оставить несколько готовых деликатесов в мире зверей для пробуждения у них чувства вкуса. Так они познают правду и поймут, что «в мире есть вкусная еда, сильно отличающаяся от сухого хлеба и маринованных огурцов».

Так или иначе, этого будет достаточно. Если они могут изготавливать хлеб и маринованные огурчики, то кое-что да смыслят в приготовлении пищи. Наиболее вероятная проблема заключалась в том, что зверолоды были так заняты борьбой между племенами, что у них попросту не хватало времени на то, чтобы выдумать вкусные блюда. Те продукты, что они ели в данный момент, могли долго храниться, а также их удобно брать с собой в походы, поэтому имело смысл то, что эту пищу здесь ели постоянно.

Зверолоды привыкли к таким продуктам. Эта еда имела перед собой лишь одну цель — гарантировать наполненность их желудков. Но Ши Цин предполагал, что пока у умных субзверей есть вдохновение, зверолоды смогут познать целый новый мир.

Однако их прогулка оказалась не очень полезной для Ши Цина в этом плане.

Хотя и не совсем напрасной, ведь поспособствовала дальнейшему обелению репутации Ялике.

Он провел целый день, занимаясь делами племени. И когда Ялике наконец мог пойти отдохнуть, их вождь решил потратить это время для прогулки под луной со своим возлюбленным...

Ялике действительно стал хорошим зверем! Теперь Йер будет так счастлив!

Ши Цин просто посмеялся бы над этим.

После прогулки Ши Цин уснул. Раньше он не замечал за собой такого, но эти дни он вел себя, словно свинья. Лишь спал и ел, ел и спал — будто не мог себя контролировать.

Поэтому он даже и не понял, что Цинь Мо вернулся не в их грязную хижину, а пошел в

тюрьму.

Как только Цинь Мо вошел туда, то сразу же почувствовал влажную, мрачную и холодную атмосферу, которая царила внутри. Кроме этого, в воздухе витал сильный запах крови. Чуть дальше ему стали слышны звуки ударов, сопровождаемые многочисленными оскорблениями, а также чувство печали — настолько сильное, что привкус почти чувствовался на языке.

Цинь Мо свернул за угол и сразу же увидел сцену, ради которой пришел.

Перед ним предстала простая и грубая комната для допросов. Жутко мрачная, лишь с еле проталкивающимся с потолка белым светом, придававшему ей зловещий вид.

Посередине комнаты на дыбе¹ лежал мужчина в рваной одежде, и любому человеку могло показаться, что он уже на своем последнем издыхании. Крепкое тело мужчины имело бесчисленное количество следов от ударов кнута и клейм от раскаленного железа.

(¹ Дыба — специальное ложе с валиками на обоих концах, на которые наматывались верёвки, удерживающие запястья и лодыжки жертвы.)

— Яликэ! — увидев вошедшего, пленник с яростью уставился на него. — Тебе хватит наглости убить меня! Если я умру, тогда ты...

Он не успел закончить эту провокационную речь, так как палач, пытавший его, ударил кнутом по осунувшемуся лицу.

Цинь Мо жестом остановил пытки и медленно спустился к пленнику. Его аккуратная чистая одежда, высокая фигура с прямой спиной, спокойное лицо и неторопливая походка совершенно не сочетались с этим грязным местом. И, хотя внешне он был спокоен, место вдруг наполнила аура еще тяжелее, чем прежде.

— Ценит ли тебя Картер? — взглянув на Баруи, тихо спросил Цинь Мо.

Тот уставился на него со злобой. Казалось, еще немного, и этот взгляд пронзит вождя ясинов насквозь.

Баруи молчал, а Цинь Мо, ухмыляясь, продолжил:

— Как ты думаешь, я сохранил тебе жизнь для того, чтобы получить какие-то знания? На

самом деле нет. То, что ты собирался сделать, я давно уже узнал.

Баруи фыркнул, когда услышал это. Он не поверил ни единому слову.

— Аймия вскружил мне голову, чтобы я пошел против своих соплеменников, — терпеливо продолжил объяснять Цинь Мо, — а вы бы в это время воспользовались беспорядком и совершили скрытую атаку, захватили бы наши ресурсы и оккупировали племя ясинов.

Лицо Баруи слегка покраснело, ведь он понял, что Аймия, должно быть, раскрыл часть их плана, но не мог понять, как ему реагировать на это.

Но следующие слова Ялике встревожили его до глубины души.

— Вы проникли в племя ясинов, чтобы выполнить две цели...

Ялике слово в слово передал каждую деталь их плана, независимо от ее важности. Твердая уверенность Баруи в себе стала понемногу рушиться.

Как и почему Ялике все знает?! А если действительно знает, то зачем продолжает днем и ночью пытаться меня?

— Я лишь хотел проверить, что важнее для Картера после случившегося: богатство или ты? — улыбнувшись, любезно помог прояснить его замешательство Цинь Мо.

Цвет лица Баруи резко изменился. В его голове начали формироваться нечеткие мысли, но он не был в них до конца уверен.

Последующая фраза для Ялике оказались словно снег на голову.

— Я запросил три тысячи кристаллов в обмен на твою жизнь, но Картер уничтожил записку с моим предложением.

Спокойное выражение лица Баруи наконец дало небольшую трещину.

Цинь Мо, оставшийся невозмутимым в разгар шторма, посмотрел на растерянного Баруи и любезно открыл ему правду:

— Картер бросил тебя, Баруи. Твой вождь и твое племя отказались от тебя.

Каждое слово ложилось на его сердце тяжелым грузом, и Баруи начал паниковать, пытаясь опровергнуть слова Ялике:

– Ты лжешь мне! Нет, это невозможно, это все твои коварные замыслы!

– В них нет необходимости, Баруи. Ты слышал, я знаю все. И, как понимаешь, для меня ты не представляешь никакой ценности, я могу избавиться от тебя в любой момент. Но я позволю тебе жить, — продолжал издеваться Яликке, — просто потому, что хочу понаблюдать за брошенной псиной без дома и семьи.

Баруи в ужасе смотрел на Яликке. Он хотел бы, чтобы это все оказалось неправдой. Человек напротив наблюдал за ним своими ледяными, совершенно беспощадными глазами, его несмешливый взгляд был острым, словно клинок. Сердце Баруи бешено колотилось в груди, будто бы пытаясь выбраться наружу.

Баруи пытали днем и ночью, истощая физически и морально. Вдобавок ко всему его будто погрузили в чан с ледяной водой. Жуткое отчаяние проникало в его тело, вынуждая чувствовать холод. Племя, которое он всегда защищал, которое любил и уважал, — это племя оставило его.

Всего за три тысячи кристаллов.

В глазах его вождя ценность Баруи не составляла и трех тысяч...

Все убеждения рухнули. Мужчину охватили одиночество и отчаяние, заставив сжаться в комок, насколько то возможно в его положении.

Как только Цинь Мо увидел это, он полностью потерял интерес к Баруи. Мужчина сдержал переполнявшие его эмоции, а затем развернулся и вышел из темницы.

Четверть часа спустя Син Гуань², ответственный за пытки, явился к нему с докладом.

(² Син Гуань — звездный журавль.)

Цинь Мо в это время изучал различные отметки на карте. Мужчина увидел, как тот вошел, и поднял голову:

– Говори.

Син Гуань уже понял, чего не выносит Яликке, поэтому не посмел пресмыкаться перед вождем, а вместо этого склонил голову и быстро рассказал новость, из-за которой пришел:

<http://bllate.org/book/5264/521899>